

Кейт Мур

Любовь и долг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606946

Любовь и долг : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-079419-5

Аннотация

Аристократ и джентльмен Лайл Мессинг, лорд Блэкстон, на грани разорения. Тайная служба короны предлагает вернуть ему заложенное поместье в обмен на выполнение опасного задания. Однако при этом ему придется играть роль жениха красивой и решительной Вайолет Хаммерсли – девушки, которая несколько лет назад беспощадно разорвала помолвку, заподозрив его в измене.

Блэкстон и Вайолет по-прежнему полны взаимных обид, горечи и недоверия. Однако рискованная игра с каждым днем сближает их все больше, а близость с новой силой раздувает искры страсти, казалось бы, давно угасшей...

Содержание

Любовь и долг	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кейт Мур

Любовь и долг

© Kate Moore, 2013

© Перевод. А.О. Сизов, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Посвящается Лорен, Кевину и Эллисон, как обычно.

Любовь и долг

*Подвернись им эта выгодная перспектива сегодня, а не год назад,
все бы... пришло к тому же печальному финалу.
Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»*

Пролог

Ла-Мани Февраль, 1825 год

Лайл Мессинг, барон Блэкстон, проигрывал в карты, и единственным оправданием была качка в кают-компании корабля, на котором он плыл. Военное судно его величества «Редемшен» с весьма посредственными мореходными качествами должно было доставить домой барона Блэкстона и выживших в неудачной греческой кампании пленных.

Лайл изо всех сил пытался сосредоточиться на картах и не думать о доме. В настоящее время его у Блэкстона вообще не было. Семейный замок, который барон унаследовал от отца, был продан им с молотка, чтобы заплатить выкуп за свою голову греческому полководцу Василеди. Его вдовствующая мать и сестры переехали в особняк в городе Бат. Матушка не жаловалась, но сестра Елена в своем письме, упоминая о переезде, дважды подчеркнула фразу «тридцать футов» – такое расстояние было между их комнатами в новом доме. Когда он думал о стесненных обстоятельствах, в которых приходилось жить его матери после просторного замка, он терял хладнокровие, шел на риск, и гора закладных на карточном столе неумолимо росла.

Пробиваясь сквозь волны к Дувру, «Редемшен» скрипел и вздрагивал, отчего фонарь в прокуренной кают-компании покачивался под низким потолком. Карта не шла, и Блэкстон посмотрел на здорового рыжеволосого и рыжебородого игрока напротив, Сэмюела Голдсуэрди. Он был одет в зеленую шелковую сорочку, которая блестела в неровном свете. Сэмюел усмехнулся. Похоже, он не умел ни умываться, ни проигрывать. Именно Голдсуэрди невинно предложил перекинуться в картишки. Несколько часов спустя после бесконечной изнурительной игры, не вынеся качки, два других игрока из числа пассажиров покинули каюту. За столом остались только Блэкстон и Голдсуэрди.

Такой исход порадовал здоровяка.

– Юноша, карты, что у вас в руках, – от них проку нет. Давайте закончим все по-быстрому.

Блэкстону почудилось, будто Сэмюел видит его карты насквозь. Он постарался отшутиться.

– Предлагаете жениться на вашей дочке? – Если бы у Голдсуэрди была дочь, Блэкстон и впрямь взял бы ее в жены, ведь у него не было иных способов вернуть поместье.

Голдсуэрди расхохотался так громко, что от его смеха зазвенело в ушах. Блэкстон предложил женитьбу в шутку, но в памяти вдруг всплыли смеющиеся черные глаза и мягкие пышные груди. Он потрянул головой, отгоняя воспоминания. Не было сомнения, что Вайолет Хаммерсли вышла замуж, пока Блэкстон находился в руках бандитов, поэтому Лайл давно уже не мечтал взять ее в жены.

– Это было бы слишком просто, сынок. Я предлагаю другое – поработать на меня год и один день.

«Год и один день» – звучало словно из сказки. Именно столько, год и один день, Блэкстон находился в плену. За это время умер Байрон, а борцы за свободу Греции, которые сражались против турок, пали в неравной битве.

Он снова посмотрел на Голдсуэрди. Тот казался безобидным человеком, несмотря на свой огромный рост и крепкое сложение. Он был выше Блэкстона дюйма на четыре¹, а то и больше, и шире любой койки на судне. На вид Лайл дал бы ему лет сорок-пятьдесят. В темно-коричневых штанах, зеленой сорочке и камзоле из грубой шерсти он был как необъятный дуб. И тем не менее мало походил на заколдованного героя из волшебных сказок. Вероятно, он был обычным лондонским торговцем и держал на Темзе склад, где на полках лежали рулоны с тканями или мешки с кофе. Но год плена научил Блэкстона не доверять внешне-сти. Его не покидало чувство, что Голдсуэрди не тот, кем кажется. Появление этого человека на борту «Редемшен» в бухте Корони² в самый ответственный момент переговоров Блэкстона с бандитами – в момент передачи денег – было более чем неожиданным. Будто произошло чудо. Тогда Блэкстону казалось, что у Василиады нет причин освобождать заложников. Потому он и продал поместье, чтобы купить свободу себе, младшему сводному брату и нескольким юношам и девушкам, с которыми солдаты полководца обращались как с рабами.

Сейчас судьба Блэкстона висела на волоске. Он снова попытался разгадать истинные намерения Голдсуэрди.

– Надо полагать, мне придется чистить выгребные ямы или выбивать долги?

– О нет, юноша, можете быть уверены, я найду вам работу по способностям.

– Мы встречались раньше в Лондоне?

– С чего вы взяли?

– Тогда зачем предлагаете мне работу? По нашей игре моих способностей не разглядеть.

– Вы умеете очаровывать людей – это я вижу...

Блэкстон бросил на Голдсуэрди скептический взгляд.

– Что-то не похоже, чтобы на вас это действовало.

– И тем не менее в своем кругу, среди знати, вы достаточно известны. Вы прекрасно танцуете на балах. Ходят слухи, что вы еще и отличный наездник.

– Так значит, вы обо мне наслышаны. Тогда тем более непонятно, зачем я вам нужен. Никто не станет брать меня на работу, зная мою дурную репутацию.

– Никто, кроме меня. Когда вас всюду станут приглашать, я хочу, чтобы вы принимали все до единого приглашения. Видимо, дело все же в дочери. И она, судя по всему, настолько дурна собой, что нуждается в таком типе, как Блэкстон, чтобы он таскал ее по балам и званым ужинам.

– То есть вы хотите, чтобы я радовал высший свет своим присутствием как можно чаще?

– Тогда я выкуплю все ваши долги, включая поместье с фамильным замком.

В заточении Блэкстон научился не выдавать своего беспокойства, но сейчас его бросило в жар. Кипа закладных, подписанных им и его неудачливыми спутниками, по-прежнему лежала на столе перед Голдсуэрди. Блэкстон перевел взгляд с бумаг на карты, которые не предвещали крупного выигрыша. Удача отворачивалась от него всю ночь, а теперь этот незнакомец, который практически спас его, предлагал выгодную сделку.

– Прошу прощения? – Блэкстон тяжело смотрел на мужчину, который, похоже, знал о его делах больше любого другого, не считая семейного юриста.

– Приходите в мой клуб, и я вам все объясню.

– В ваш клуб? – Блэкстона словно дубинкой огрели. Голдсуэрди казался ему англичанином до мозга костей, но никак не джентльменом.

¹ 1 дюйм – 2,54 см.

² Город на берегу залива Месиниакос, Южная Греция.

– Клуб «Пантеон» на Албемарл-стрит. В порту корабль встречает почтовый дилижанс. Он отвезет нас напрямиком в клуб.

Мысли о Лондоне и возможность вернуть свое состояние заставили Лайла на мгновение забыть о городе Бат, сестре и матушке. Голдсуэрди определенно умел уговаривать, но Блэкстон должен был выяснить, что стоит за столь щедрым жестом, и задал вопрос:

– Кто вы?

Голдсуэрди нахмурился.

– Неужели вы успели позабыть?

– Я не спрашиваю о вашем имени. Кто вы на самом деле? И что это за мистическая работа, которую вы мне предлагаете?

– Хорошо, что вы спросили. Я призываю вас служить королю и отечеству, – произнеся пафосные слова, Голдсуэрди никак не изменился в лице. На нем по-прежнему сохранялось насмешливое выражение. – Речь идет о шпионаже.

– Шпионаж? И за кем я буду шпионить в высшем свете?

Голдсуэрди помрачнел. Он покачал огромной головой с львиной шевелюрой.

– Мы живем в жестоком мире, сынок. Враги Англии выдают себя за друзей и разгуливают среди нас повсеместно. А секреты имеют обыкновение просачиваться наружу. И наша задача сделать так, чтобы они не ушли далеко.

Глядя на Голдсуэрди, Блэкстон моргнул так, как будто от дыма в каюте щипало глаза. Его просили шпионить на благо Англии! Планы на будущее изменились, едва только корабль перевалил очередную волну. Блэкстон мог вернуться к матери и сестрам ни с чем, склонив в покаянии голову, или же мог рискнуть и восстановить свое состояние и доброе имя.

«Редемшен» застыл на очередном гребне. Затем океан разверзся, и он упал вниз. Голдсуэрди спокойно обхватил одной рукой лавку, привинченную к полу, а второй – кувшин с пивом. Блэкстон держался за фонарь, а остальные ударились головами о низкий потолок. Когда судно падало на воду, в памяти Блэкстона снова промелькнул насмешливый взгляд черных глаз и, вопреки здравому смыслу, ему захотелось увидеть эти глаза снова.

Наконец корабль ударился о волну, чудом не развалившись на части.

– Я согласен.

– Вот и отлично. Год и один день, а потом вы будете свободны.

Глава 1

Все говорили, что он был самым безнравственным молодым человеком на свете, и частенько добавляли, что никогда не доверяли его внешней доброте.

Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

Лондон

Три недели спустя

Блэкстон открыл один глаз и покосился на потолок, бледный, как свадебный торт, и далекий, как луна. Койка под ним не качалась и не тряслась от ударов волн. Он вспомнил. Клуб Голдсуэрди. Албемарл-стрит. Лондон.

Он был не в пещере. Он не видел уже несколько недель, как летят головы с плеч. И как молодых рабынь отдают воинам словно награду. Порой, проснувшись, он несколько мгновений не мог понять, где находится, и кошмары плена не сразу покидали его.

– Уайлд, если вздумаешь открыть шторы – ты труп, – раздался недовольный голос с соседнего дивана. Это была кофейная комната в клубе Голдсуэрди, где Блэкстон и его друзья-шпионы заночевали вчера.

Английский дождь, холодный и порывистый, бил в окно. Еще одно напоминание о том, что он дома.

– И вам доброго утра, лорд Хейзелвуд. Кофе? – Голос показался знакомым, в нем слышались оттенки лондонского Ист-Энда. Но не голос, а запах упомянутого напитка заставил Блэкстона повернуть голову.

С третьего дивана раздался стон, за которым последовал звон фарфора, а запах кофе усилился.

– Лорд Блэкстон? – произнес молодой мужской голос рядом с ним. Блэкстон сел и опустил ноги на пол.

Нат Уайлд служил им кем-то вроде дворецкого и был одновременно связным с Голдсуэрди. Он, одетый в модный чернильного цвета сюртук и штаны из буйволово́й кожи, протянул барону кружку с дымящимся ароматным кофе.

Блэкстон, потягивая божественный напиток, смотрел, как Уайлд уговорами и кофе пытается поднять двух других жильцов этой комнаты. Потребовалось несколько минут тишины, чтобы комната стала местом, приемлемым для истинных джентльменов.

Блэкстон благодарил друзей за тишину. На данный момент кофейная была единственным помещением в клубе, где стояла мебель. Сам клуб ремонтировался, о чем Голдсуэрди не упомянул, когда нанимал лорда на работу.

Здание окружали леса и целая армия плотников, штукатуров и каменщиков, которые приходили рано и принимались долбить, стучать и месить, поднимая при этом не только шум, но и пыль. Шторы и накидки закрывали окна, двери и перила по всему дому.

Но в кофейную звуки не проникали. Эта комната без вычурной мебели и кружев полностью принадлежала мужчинам. Здесь стены были отделаны темным деревом, повсюду стояли глубокие кожаные кресла, на полу лежал роскошный красно-сине-золотой ковер. Вдоль стен располагались богатые книжные полки, а на кофейном столике, накрытом белой крахмальной скатертью, красовался сверкающий серебром кофейный сервиз.

Партнерами Блэкстона по шпионажу были капитан Клер, герой Ватерлоо в полковом мундире, и лишенный наследства виконт Хейзелвуд – родственник графа Ванге. Камердинер длинноволосого Хейзелвуда едва не падал в обморок при взгляде на мятый сюртук и запятнанные лосины своего хозяина. Несмотря на то, что обстоятельства, кои привели Блэкстона

и его партнеров на службу к Голдсуэрди, были совершенно разными, виконт понимал, что между ними много общего.

Все они подписали контракт с Голдсуэрди. Клер заявил, что все на законных основаниях, а Хейзелвуд добавил, что по условиям договора прав у них меньше, чем у церковного служки. За каждым был закреплен район Лондона в соответствии со ступенькой, которую они занимали на социальной лестнице. Клер шпионил в тавернах, где среди прочего сброда частенько появлялись солдаты, матросы и радикалы. Хейзелвуд курсировал между игорными домами и борделями. А Блэкстону достался фешенебельный Вест-Энд.

Первым объектом его слежки стала леди Ревенхерст, чей расчетливый и честолюбивый муж частенько приносил домой важные бумаги из министерства иностранных дел. Судя по слухам, скучающая леди искала утешение в объятиях одного русского графа, который интересовался скорее секретными документами, нежели дамой. Голдсуэрди предписал Блэкстону стать любовником леди, чтобы граф не смог больше проникнуть в дом Ревенхерстов.

Капитан Клер обратился к Уайлду.

– Послушай, где ты научился так вкусно варить кофе?

Хейзелвуд ответил за мальчишку:

– Он турок, и в Стамбуле был рабом у султана.

Уайлд обнажил в улыбке белоснежные зубы.

– Да нет, джентльмены, я лондонец до мозга костей. Меня научил старый солдат по имени Хардинг. Я думаю, вы с ним вскоре встретитесь.

– Лучше бы он научил тебя делать портер.

Уайлд пожал плечами и перестал улыбаться.

– Никакого портера, лорд Хейзелвуд.

Клер поднял чашку с кофе и сказал тост:

– Воздержание от алкоголя, своевременная уплата долгов и обет безбрачия – вот местный девиз! – рыжеволосый капитан обладал волевым взглядом. Блэкстон с легкостью представлял его во главе армии на полях сражений.

– Это поможет вам сохранить форму профессионального боксера, капитан.

– Скорее мы помрем с тоски. – Хейзелвуд угрюмо посмотрел в чашку с кофе.

Уайлд рассмеялся. Похоже, он смотрел на вещи иначе.

– Поверьте мне, это ненадолго. – Он поставил серебряный поднос на покрытый белоснежной скатертью стол. – Кофейник полон. Газеты на столе. Зовите меня, когда проголодаетесь.

После его ухода в комнате на какое-то время воцарилась тишина. Затем Хейзелвуд обратился к Блэкстону.

– Как у вас дела с леди Ревенхерст?

– Весьма недурно.

Леди послала ему персональное приглашение на музыкальный вечер, четко дав понять, что мужа дома не будет. Так что вчера он провел время в окружении лондонской богемы, сидя рядом с леди Ревенхерст на золоченых креслах в большом зале ее особняка. Время от времени она как бы невзначай касалась веером его бедра. Русский граф на этом вечере не присутствовал, так что Блэкстону было что доложить Голдсуэрди.

– А как идут ваши дела? – поинтересовался, в свою очередь, Блэкстон.

Хейзелвуд шел по следу провинившихся юнцов из числа золотой молодежи. У одного из них брат заседал в кабинете министров.

– Две недели адской гонки, а толку никакого. – Хейзелвуд встал, подошел к столику, налил кофе, сунул под мышку газету и вернулся. – Нет, вы мне объясните, как человек, управляющий армией плотников, который не выдает нам ни капли спиртного, смеет заявлять, что он наш помощник?

Блэкстон не сдержал улыбки. Уайлд обеспечивал их всем, в чем они нуждались, но никогда не давал того, чего они хотели. У них был слуга, Твиклер, а если им нужны были деньги или карета, то Уайлд обеспечивал их и тем и другим. За углом на Бонд-стрит стояла аптека, от клуба через задний двор к ней вела утоптанная тропинка, так что проблем с алкоголем у джентльменов не было. А портной по имени Керби обшивал шпионскую команду Голдсуэрди. Увидев удобу и изможденность Блэкстона, он долго хмурился, но все же сумел пошить лорду такую одежду, что в свете никто не догадался о недавнем его заточении в плену.

Клер, несмотря на выпитый кофе, оставался не в духе.

– Блэкстон, а что случилось с вашей любовницей, той испанской танцовщицей, которая ославила вас?

Хейзелвуд повел бровью.

– Что такое? Почему я не в курсе? Ну вы, Блэкстон, и хитрец! Ни разу не упоминали об этом скандале. Пожалуй, это объясняет, почему вы здесь. От вас отреклаась семья?

– Титул принадлежал мне.

– Титул титулом, но от слухов вас это не спасло. Газеты пестрели скандальными заголовками. Да, у Голдсуэрди талант подбирать людей. – Хейзелвуд поставил пустую чашку на пол, откинулся на подушки и закрылся газетой. Блэкстон повернулся к Клеру, который вцепился в чашку с кофе обеими руками.

– У Хейзелвуда есть теория насчет того, как Голдсуэрди находит людей, и ваш случай ее полностью подтверждает. Он выбирает тех, у кого дурная репутация.

– А мне казалось, шпионы не должны бросаться в глаза.

– Хейзелвуд считает, и тут я разделяю его мнение, что, стоит человеку обзавестись дурной репутацией, и люди сразу же перестают подозревать его, даже когда он ведет себя необычно.

– Таким образом, вы – герой, Хейзелвуд – повеса и мот...

– А вы, Клер, – рубака.

Блэкстон не мог не признать логику этих рассуждений. Люди, как правило, видят лишь то, что хотят увидеть.

Скандальная статья с откровенным рисунком наградила его определенной репутацией навсегда. Увидев впервые этот рисунок в газете, лорд и представить себе не мог, во что он ему выльется. И уж тем более не думал, что замять скандал окажется невозможно. Двадцать четыре часа спустя Блэкстон лишился всех титулов и привилегий. Ему казалось, что ничто не может изменить его социального статуса, но как же он ошибался.

Когда он отказался выкупить рисунок у художника по имени Ройс, тот сделал свою мазню достоянием общественности. После этого жизнь изменилась, его стали приглашать на балы-маскарады; женщины, с которыми он даже не был знаком, дарили ему свои портреты. В один момент он понял, что уже не может ничего изменить, потому что действительно стал таким, каким его хотели видеть.

Блэкстон решил положить этому конец и уехал на край света, порвав с семьей и друзьями.

Вернулся Уайлд с корзиной, накрытой полотенцем. Снаружи застучали молотки.

– Где Голдсуэрди? – спросил Блэкстон. Он хотел как можно раньше покончить с ежедневным отчетом.

– Его никогда нет на месте, когда он нужен, – проворчал Хейзелвуд, шурша газетой. – Чертов призрак.

– Мистер Голдсуэрди любит отлучаться на рыбалку. – Уайлд достал из корзины свежие булочки. – Кстати, этим утром он желает видеть вас, лорд Блэкстон.

– Пора платить по счетам, – продолжал ворчать Хейзелвуд, прикрываясь газетой.

– Дойдет черед и до вас, лорд Хейзелвуд.

Глава 2

...она и правда очень милая девушка. И я всем сердцем желаю, чтобы она хорошо устроилась, но с таким отцом и такой матерью и такими скромными возможностями, боюсь, что шанса на это нет.
Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

Вайолет Хаммерсли лучше остальных понимала, что та часть дня, которую лондонцы привыкли называть утром, определялась не столько часами и вращением планеты, сколько образом жизни. Прислуга вставала в четыре, чтобы разжечь огонь и согреть воду. Ее служанка могла не подниматься с кровати до десяти. Сегодня для Вайолет утро закончилось в час дня, когда она пришла к герцогине Хантингтон, Пенелопе Фрейн.

– Вайолет, дорогуша, вы должны быть довольны. Ваш бал будет настоящим событием, – благоухающая Пенелопа слегка обняла ее, а дворецкий проводил до двери большого дома на Парк-лейн.

– Я так рада, что вы согласились помочь мне, Пенелопа. Благодарю вас.

– Ах, не утруждайте себя, у вас в голове наверняка сотни забот, и предстоящий королевский визит в том числе. Как вы со всем справляетесь?

– К счастью, принц Молдавии – гость моего брата, а отель «Милуэрт» удовлетворит любые королевские прихоти. Вы ведь не думали, что я пожертвую нашим благотворительным балом ради этого визита?

– Вовсе нет. Мои друзья рады покровительствовать такому прекрасному начинанию. Что может быть благороднее, чем поддержка бедствующих сестер, которые обшивают нас. – Герцогиня зашуршала подолами своих пышных юбок болотного цвета. Она взяла Вайолет за руку и кивком головы отпустила дворецкого. – Я сама провожу мисс Хаммерсли, Койл.

Благородное начинание.

Голова Вайолет гудела от мысли о предстоящем бале, но слова Пенелопы снизили значимость блестящего бала. Собрание общества в поддержку нуждающихся вдов было куда более важным мероприятием. Возможно, она зашла слишком далеко, вообразив себя образцом благородной дамы.

Не то, чтобы Вайолет грезил о балах, как любая девочка. Она мечтала о своем кабинете и об отцовском банке. После смерти мамы несколько месяцев папа не знал, что делать со своей серьезной большеглазой дочуркой. Ее брат учился в частной школе, а папа не хотел оставлять Вайолет дома в одиночестве. Поэтому каждое утро он брал ее с собой в банк, где разрешал сидеть в большом кожаном кресле в своем кабинете.

Вайолет обожала папино место работы. В то время она еще ничего не знала о старинных афинских храмах, с которых было скопировано здание банка, но ее все равно привлекали великолепные колонны и роскошная атмосфера. А еще маленькой девочке здесь никогда не было скучно. Особенно ей нравилось сочетание разных звуков: шелест бумаг, стук шагов, скрип перьев, приглушенные голоса и чуть слышный шум лондонских улиц.

С тех пор Вайолет мечтала о таком же кабинете, как у отца. И была уверена, что станет банкиром. Партнеры отца останавливались в коридорах, чтобы поздороваться с ней, и предлагали решить задачки, на которые она всегда знала ответы.

Когда Вайолет исполнилось тринадцать, папа сильно удивился, узнав о ее мечте. Он говорил, что девочки не бывают банкирами. А когда она спросила его, кем же девочки бывают, он, всплеснув руками, ответил, что ей нужно думать о чем-то женском, а не о банке – деле для мужчин.

Поначалу Вайолет недоумевала по поводу такого разделения мира на женский и мужской. Она вспоминала странных французов, которые в своем языке даже существительные делили на женские и мужские. И тогда девочка спросила папу, по какому принципу вещи принадлежат тому или иному роду.

Папа снова пожал плечами. Он полагал, что это и так понятно. Тогда Вайолет составила список того, что ее интересовало, и показала своему брату Фрэнку. Он рассмеялся и сказал, что ничто из списка девчонок не касается: ни банковское дело, ни закон, ни юриспруденция, ни архитектура, ни паровые двигатели. В ответ Фрэнк составил другой список: шляпки, перчатки, туфли, благотворительность, книги, балы.

– Вот это – для девчонок.

Вспоминая сейчас тот случай, Вайолет улыбнулась про себя. До последнего пункта в списке Фрэнка ей пришлось проделать долгий путь. Но сейчас, когда она до него добралась, у нее не было времени на сомнения по поводу своего жизненного пути. Кроме того, подготовка к балу требовала времени.

А герцогиня, как назло, никуда не спешила. Они медленно шли к лестнице. Сзади на положенном расстоянии следовал слуга с коробкой приглашений.

Вайолет не могла сказать, что они с Пенелопой дружны. Их знакомство с ее светлостью герцогиней Хантингтон насчитывало всего несколько недель, так что рано было говорить о какой-то близости. Хотя Пенелопа настаивала, чтобы они называли друг друга по именам, опуская титулы.

Тремя неделями ранее герцогиня, которая интересовалась благотворительными проектами, гостила у Вайолет и пригласила ее с ответным визитом. Вайолет обсудила приглашение во всех подробностях со своей старой гувернанткой и преданным другом Августой Лаундес, и они пришли к заключению, что Вайолет ничего не потеряет, если примет его.

Пенелопа Фрейн была симпатичной хрупкой женщиной чуть за тридцать с зелеными глазами и тициановскими волосами. До замужества у нее было столько поклонников, что ее отцу однажды пришлось попросить их всех удалиться с бала. Помимо титула, состояния и красоты, от отца Пенелопа унаследовала влияние в обществе. Опекая модисток, она приобрела среди них много друзей, и уже через три недели благодаря Пенелопе Вайолет объявила о предстоящем благотворительном бале. Герцогиня пожала Вайолет руку, и та интуитивно почувствовала, что Пенелопа ждет ответного жеста поддержки. Вайолет лихорадочно вспоминала все, что знает о состоянии семьи Фрейн. Они явно не нуждались в деньгах. Все, что могло скомпрометировать честность отцовского банка, отклонялось ею сразу.

Вайолет хотелось перепрыгнуть через две ступеньки, чтобы оказаться в карете до того, как Пенелопа передумает помогать ей. Их мартовский бал был рискованным мероприятием, а без финансовой поддержки Пенелопы дело было бы и вовсе безнадежным. Пенелопа в задумчивости нахмурила свои аккуратные брови.

– Я полагаю, это неплохая идея, чтобы каждая дама была в платье из ткани, которая выработана на фабрике «Спитафилдс». – Они подошли к последнему лестничному пролету. – Если вы не против, мы могли бы устроить примерку здесь. Я бы предоставила одну из гостиных вашим швеям.

Вайолет кивнула. Возможно, хорошей мыслью было привести портних в дом благотельницы вместо того, чтобы оставлять их в небезопасном пригороде. Вайолет искренне благодарила Пенелопу за поддержку, но понимала, что герцогиня видит ее насквозь. Вайолет хотела не только помощи. Она стремилась показать, насколько высшее общество зависит от труда простых людей, и в каких условиях эти люди трудятся. Если дамы будут приезжать на Парк-лейн для примерки, то они никогда не увидят, как швеи при свете одной-единственной лампы работают, согнувшись над столами, до поздней ночи, потому что им нужно кормить свои семьи.